

ТЕМА АФРИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Ф. В. Кувшинов

Липецкий институт кооперации

Поступила в редакцию 26 января 2015 г.

Аннотация: в статье на материале русской литературы периода первой трети XX века рассматривается тема Африки в рамках анализа структуры основных мотивов. Показывается дихотомический характер этой темы (свобода/угнетение, рай/ад, экзотичное/банальное, мечта/реальность), ее преемственность, зависимость от стереотипов. Популярность этой темы объясняется ее схематичностью и шаблонностью, благодаря которым стала возможной декларация любых идеологических установок без доказательной базы. В таком случае Африка понималась как локус, где может происходить все что угодно, и с которым возможно связывать различного рода девиации повседневной жизни России.

Ключевые слова: Африка, мотив, травелог, повседневность.

Abstract: in the article the topic of Africa is analysed on the material of the Russian literature of the first third of the twentieth century, in the frame of the analysis of the structure of the main motives. It shows the dichotomous nature of the topic (freedom/oppression, heaven/hell, exotic/banal, the dream/reality), its continuity, dependence on stereotypes. The popularity of this subject can be explained by its sketchness and stereotypiness. The declaration of any ideological attitudes without any evidence has become possible thanks to them. In this case, Africa was understood as the locus, where anything could happen and it is possible to connect different kinds of deviation of daily life in Russia with it.

Key words: Africa, motive, travelogue, everydayness.

Традиционно тема Африки в русской литературе рассматривается в контексте творчества Н. С. Гумилева. Однако опыт обращения к ней связан не только с именем родоначальника акмеизма. Впервые в русской литературе Африка мельком появляется в «Хождении за три моря» (конец XV в.) Афанасия Никитина [1, 88]. В дальнейшем литература об Африке исчерпывается иностранными картографическими трудами [2, 5; 3, 12], исключая художественный элемент.

Лишь в творчестве А. С. Пушкина тема Африки начинает получать свою художественную трактовку, давая почву для оформления устойчивого концепта, впоследствии обозначающего нечто далекое, романтическое, свободное, экзотическое, недостижимое, иногда пугающее, часто чудесное, но, как правило, всегда дихотомическое¹.

Именно Пушкин кладет начало той традиции, согласно которой Африка предстает далеким романтическим локусом, ассоциирующимся со свободой и противопоставляемом России:

«Пора покинуть скучный берег
Мне неприятной стихии
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,

¹ Все эти сложные коннотации в полной мере обнаружат себя в русской литературе 1900—1930-х гг.

Вздыхать о сумрачной России...» [4, т. 6, 26].

А. С. Пушкин создает топографическую и смысловую дихотомию, вписывающуюся в общую романтическую традицию противопоставления мира желанного и мира профанного. И в данном случае поэту не так уж важны реалии африканского мира, ему важен тот статус, который придает философия романтизма африканскому локусу, с которым можно связать различные романтические легенды, не требующие подтверждения.

Африка упоминается и в творчестве М. Ю. Лермонтова, но именно упоминается. Несмотря на то, что поэт был окружен исследовательскими материалами об этом континенте², Африка встречается (да и то только в форме парафраза) всего лишь несколько раз. В стихотворении «Последнее новоселье» (1841) перед нами предстают «степи египетские» [5, 183] (рассказ идет о походе Наполеона в Африку), а в стихотворении «Спор» (1841) разливается «вечно чуждый тени <...> желтый Нил» [5, 194]. Африка не стала объектом поэтического внимания поэта, уступив место Кавказу.

² Имеется в виду тот факт, что в «Отечественных записках», где публиковался М. Ю. Лермонтов, также печатался ряд этнографических материалов, посвященных Востоку и Африке. См. об этом: Гроссман Л. П. Лермонтов и культуры Востока // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.: Изд-во АН СССР, 1941. — Кн. I. — С. 673—744. — (Лит. наследство; Т. 43/44).

Только благодаря «Фрегату “Палладе”» (1855) И. А. Гончарова Африка становится не просто ближе русскому читателю: с нее наконец-то снимается покров таинственности и неизвестности. Сам писатель в «Предисловии» к третьему изданию (1879) определяет жанровое своеобразие своего произведения следующим образом: «летучие наблюдения и заметки, сцены, пейзажи — словом, очерки» [6, 6]. Таким образом, И. А. Гончаров пытается «снять» со своего произведения любые идеологические наслоения и, в сущности, отрешивается от любых претензий на художественность, создавая классический образец травелога со всеми присущими ему признаками: ему более важно запечатлеть увиденное, нежели анализировать его (хотя не всегда ему это и удается).

Гончаровскую традицию в изображении Африки продолжат затем И. А. Бунин и Н. С. Гумилев. Первый в рассказе «Дельта» и примыкающем к нему «Свете Зодиака» (1907) детально описывает свое знакомство с Африкой. Его интересует все: комната, в которой он остановился, пища, которую он ест, ощущение от каирского поезда и проч. Второй также будет придерживаться ровного описательного стиля в неопубликованном «Африканском дневнике» (1913).

Появление «Фрегата “Паллады”» совпало с началом роста интереса общественности к Африке: во второй половине XIX века в России появляется ряд работ, посвященных этому континенту, как переводных, среди которых, конечно же, в первую очередь стоит указать сочинения Дэвида и Чарльза Ливингстона «Путешествие по Замбези и ее притокам» (1867) и Генри М. Стэнли «В джунглях Африки» (1892), так и отечественных, например «Путешествие во внутреннюю Африку» (1849) Е. П. Ковалевского, «Алжирия» (1877) А. Н. Куропаткина, «Путешествие в Северную Африку» (1880) Л. Ф. Костенко и «С войсками Менелика II» (1900) А. К. Булатовича. Все эти исследования, казалось бы, должны были заполнить информационные лакуны относительно и дать полноценный материал для литераторов. Однако, этого не произошло. И дело здесь даже не в том, что Африканский континент не входил в сферу политических интересов и амбиций России: просто Африка была слишком далека и недоступна большинству русских людей вообще и писателей, в частности, — вместо Африки и Индии у русских писателей был Кавказ и Ближний Восток: «Экзотика в России не выходила за пределы Кавказа, Крыма и Лазурного берега» [7, 84]. И все же именно на рубеже XIX—XX и в течение первой трети XX века тема Африки в русской литературе получает свою разработку через ряд мотивов, основные из которых хотелось бы рассмотреть.

1. «АФРИКА КАК МЕСТО СТОЛКНОВЕНИЯ СИЛ ДОБРА И СИЛ ЗЛА».

Этот мотив наиболее полно разработан К. М. Станюковичем в рассказе «Максимка» (1896), где

развенчивается миф (мотив) о «недочеловекости» жителей Африки, об их отсталости (об этом мотиве ниже), с помощью утверждения совершенно иного мифа (мотива) — о нравственной пустоте и дикости колонизаторов-поработителей, в данном случае, американцев (хотя на их месте могли быть и англичане, и немцы и т. д., т. е. вообще — «чужие»).

Обозначается этот мотив через позицию капитанского вестового Сойкина, который, характеризуя Максимку, разом совмещает в двух предложениях несколько устойчивых стереотипов: «Да и что с им делать, с черномазой нехристью? Вовсе даже дикие люди» [8, 91]. Здесь можно выделить сразу три стереотипа: а) определение коренного жителя Африка через негативное и ругательное «черномазый»; б) отказ в принятии его в свое общество — «нехристь» и в) дикость, отсталость. Все три стереотипа последовательно разрушаются: «черномазый» Максимка оказывается милым мальчиком, которого принимают не только все матросы, но и комсостав вместе с капитаном; «нехристь» оказывается жертвой работоторговцев (сам по себе искупающий все «грехи» мотив) и спасает матроса Лучкина; дикими же в большей степени предстают американцы, у которых до сих пор есть свои «крепостные».

В советской художественной литературе об Африке рассматриваемый мотив стал центральным, но получил дополнительные звучания.

Вырабатывается позиция, согласно которой Африка — это место будущего боя между империализмом и капитализмом, с одной стороны, и коммунизмом и пролетарской справедливостью, с другой. В наиболее яркой форме эта идея получила развитие в поэме Б. П. Корнилова «Моя Африка» (1935). А годом позже вышла брошюра И. Д. Левина «Современная Абиссиния. Социальные сдвиги и политические реформы» (1936), где с первых строк заявляется об отказе от этнографической литературы прошлого: «Значительная часть этой литературы состоит либо из поверхностных записей буржуазных туристов, либо из сообщений агентов империализма, заведомо искажающих действительность, либо <...> из некритического пересказа старинных и новых абиссинских хроник» [9, 3]. Как бы там ни было — поэма Корнилова, вопреки пожеланиям Левина, является перечнем уже избитых штампов, которых можно пересчитать по пальцам: песок, караван, жара, рабы и работоторговцы («белокурые ковбои»). Автор сам указывает источник знаний о жизни «негров» (правда, американских!) — «Хижину Дяди Тома» Г. Бичер-Стоу [10, 435].

Штампом выглядит и описание африканца: «Он был черён, // с опухшими губами» [10, 445]; «И руки у него по-обезьяньи // висели, доставая до колен» [10, 427]; «<...> губа // отпеченная, // жирная, // большая <...>» [10, 428].

Подобным штампам следовал и Н. А. Заболоцкий, автор литературной обработки «Писем из Африки» Бюел (1928) [11]. Книга представляет собой довольно подробное описание быта и нравов населения Африки в достаточном объеме, чтобы удовлетворить жажду знаний «детей среднего и старшего возраста». Эта же ориентация на определенный уровень читателя обусловила схематичное и даже каноничное изображение местного населения: «Курчавые головы, большие оттопыренные губы и огромные белки глаз так и мелькают вокруг меня» [12, 15].

Интерес к Африке был не случаен: СССР важно было удержать контроль над Коммунистической партией Южной Африки [3, 213—223], поэтому боевой настрой по отношению к Африке получил свое развитие даже в детской литературе, которая без прикрас рисовала ужасы, творящиеся на этом континенте, и также связывала надежды на их прекращение с гостями с северного континента. Речь идет, конечно же, о «Айболите» (1922), «Бармалее» (1925) и «Докторе Айболите» (1929) К. И. Чуковского.

2. «АФРИКА КАК БАНАЛЬЩИНА»

Заштампованность темы Африки и связанных с ней реалий стали ощущать писателями почти сразу же. Обывательское восприятие Африки в жизни было тут же перенесено в литературу.

У А. П. Чехова в «Дяде Ване» (1897) в четвертом действии в комнате Войницкого висит «карта Африки, видимо, никому здесь не нужная» [13, т. 13, 105]. К ней обращаются в самом конце пьесы, где она выступает как символ чего-то далекого, ничего не значащего в жизни персонажей, «немотивированного» [5, 146].

Вообще у Чехова Африка «проступает» именно в качестве банальных штампов (что соответствует основной для писателя теме критики пошлости): в «Драме на охоте» (1884) разговор о любовной коллизии неизменно ассоциируется с «африканскими страстями»³ (не случайно повествователь делает оговорку: «Автор питает слабость к эффектам и сильным фразам» [13, т. 3, 246]).

Знак равенства между Африкой и банальщиной ставится и Н. А. Тэффи. Пожалуй, самым примечательным примером является рассказ «Карьера Сципиона Африканского» (1910). Ловкая находка репортера, придумавшего обходящую цензурные ограничения тему о путешествии четырех жирафов, прак-

³ Несомненно, это связано с образом Отелло. Вместе с тем стереотип о буйности, страстности африканцев прочно вошел в обыденное сознание и не избежал своего художественного воплощения даже у такого борца с пошлостью, как Маяковский, который в «Юбилейном» (1924), «разговаривая» с Пушкиным, подчеркивает его взрывной характер шаблонным «Африканец!» См: Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961.

тически не может быть разоблаченной (несмотря на комический эпизод с публикацией фотографий растений из Ботанического сада, выдаваемых за настоящие фотографии из Калькутты) — Африка слишком далека. О том, что в Африке возможны любые несуразности [15, 309], свидетельствует и «Всеобщая история, обработанная Сатириконом» (1910), первый раздел которой написан как раз Тэффи. В нем Африка описывается с помощью трюизмов: «Египет находится в Африке и славится издавна пирамидами, сфинксами, разлитием Нила и царицей Клеопатрой» [15, 307].

3. «АФРИКА КАК ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ И ЭКЗОТИКА»

Именно в творчестве Н. С. Гумилева Африка получает статус экзотического локуса, который по степени необычности, загадочности и проч. может уже сопоставляться, например, с Индией. Африка, которой Гумилев посвятил значительнейшую часть своего творчества, получает черты потерянного рая, однако рая в какой-то степени заштампованного⁴. Это тем более интересно, что в первой главе неоконченного «Африканского дневника» (1913) поэт сокрушался, правда, не без некоторого кокетства, по поводу стереотипного восприятия Африки публикой: «Гораздо больше интересовались моим путешествием, задавая обычные в таких случаях вопросы: много ли там львов, очень ли опасны гиены, как поступают путешественники в случае нападения абиссинцев. И как я ни уверял, что львов надо искать неделями, что гиены трусливее зайцев, что абиссинцы страшные законники и никогда ни на кого не нападают, я видел, что мне почти не верят. Разрушать легенды оказалось труднее, чем их создавать» [16, 70]. И все же сам Гумилев в своем творчестве опирался если не в большей, то в равной степени на африканские образы, уже созданные литературой [17, 41].

Мотив «Африка как потерянный рай» довольно часто звучит в творчестве А. Т. Аверченко. В «Шутке Мецената» (1923) пятно засохшей дождевой кляксы сравнивается с Африкой и является символом несбывшихся надежд. В «Смерти африканского охот-

⁴ Несмотря на то, что Н. Гумилев четыре раза путешествовал по Африке, он придерживается литературной традиции вымысла и следования общим стереотипам в вопросе изображения зарубежного мира. (Куликова Е. Ю. Африканские «Картинки из книжки старинной» Н. Гумилева // Сибирский филологический журнал. — Барнаул — Иркутск — Кемерово — Новосибирск — Томск, 2010. — № 4. — С. 76—83). Это, конечно, связано с общей модернистской идеей идеализации иного мира, традиции, идущей от романтиков. У Гумилева же эта идея принимает отчетливое оформление. См: Чевтаев А. А. Стихотворение Н. Гумилева «Старый конквистадор»: поэтика и контекст // Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель, 2013). — Ижевск, 2013. Вып. 12. — С. 176—187.

ника» (1914) маленький персонаж наивно восклицает: «Мои родители жили в Севастополе, чего я никак не мог понять в то время: как можно было жить в Севастополе, когда существуют <...> южный берег Африки, <...>, мыс Доброй Надежды, реки Оранжевая <...> и Замбези» [18, т. 3, 372].

Африка становится неким маяком надежды, раем, который существует и в который можно добраться. В высокохудожественной форме этот мотив раскрыл Е. Н. Замятин в повести «Африка» (1916): «Хлеб такой в Африке этой, что ни камни не надо ворочать, ни палы пускать, ни бить колючь земляную копорюгою: растет себе хлеб на деревьях, сам по себе, без призору, рви, коли надо. <...> А в тех странах цветы цветут — вот такие вот, в сажень. Раз нюхнуть — и не оторвешься: потуда нюхать будешь, покуда не помрешь, вот дух какой...» [19, 331]. Однако это всего лишь мечта — и мечта несбыточная. Не случайно Федор Волков умирает не просто далеко от Африки — а в *северном* море (здесь опять мы видим заданную А. С. Пушкиным парадигму противопоставления «сумрачной» России и солнечной Африки).

Если для крестьянина Федора Волкова Африка это что-то лубочно-волшебное, то для интеллигенции это экзотика, иногда с эротическим подтекстом.

Как символ экзотики Африка предстает у К. К. Вагинова в «Козлиной песни» (1927), где Троицин, делая «неумеренный» комплимент Мише Котикову, говорит: «В ваших стихах дышит Африка» [20, 135], и у Ф. К. Сологуба в «Мелком бесе» (1905), который, описывая эротическое томление героини, обращается именно к африканским образам: «Всю ночь Людмиле снились такие знойные, африканские сны!» [21, 138].

4. «АФРИКА КАК СИМВОЛ ДИКОСТИ/ОТСТАЛОСТИ/БЕДНОСТИ»

Африка не только предстает неким раем, но вместе с тем и адом, символом отсталости и дикости (по вполне понятным и реальным причинам). При этом сопоставление с Россией может проходить как со знаком «минус» (Россия такая же отсталая глухомань, как и Африка), так и со знаком «плюс» (Африка безнадежно дикая страна по сравнению с Россией).

В первом случае на путь подобного противопоставления встают Л. Н. Андреев («На станции» (1903)) и М. А. Булгаков («Тьма египетская» (1925)), описывая российскую глубинку с помощью «африканизмов».

Во втором достается и самим африканцам. Так, Г. В. Иванов вспоминал о приезде В. И. Нарбута: «<...> из рассказов его выходило, что “страна титанов золотая Африка” — что-то вроде русского захолустья: грязь, скука, пьянство» [22, 116—117].

В комичной, именно буффонной форме представляет неразборчивого в еде негуса В. В. Маяковский в «Мистерии-Буфф» (1918):

«Негус

Что это?

Должно быть, вкусная собачка?

Рыбак

Я те дам — собачка!

Это морж, а не собачка» [23, т. 2, 177].

М. П. Арцыбашев в повести «Миллионы» (1912) использует Африку как символ каких-то невероятных слухов или ужасов. Так, Подгурский говорит о младшем Пархоменко: «Он где-то прочел, что германские офицеры в Африке распинали негрятюнок и стреляли в них из револьверов на пари... Так у него ведь это — мечта!.. Распятъ женщину...» [24, 180].

В рассказе «Пернатое» (1910), осмеивая всезнайство журналиста, А. Т. Аверченко довольно в грубой форме изображает быт и нравы африканских туземцев, «тупых дикарей», страдающих «и от отсутствия вечерней газеты, и от своей собственной тупости и невежества...» [18, т. 1, 91—92].

У М. Горького во второй части «Жизни Клима Самгина» (1928) Митрофанов, характеризуя сумятицу в России, обращается за примером к Африке: «Это уж, знаете, похоже на Африку: негры, носороги, вообще — дикая сторона!» [25, т. 20, 410]. А в ранней повести «Исповедь» (1908) Африка у героев Горького вообще прямо ассоциируется с адским огнем, с местом, где обязаны страдать еретики: «<...> А вообще вас бы, еретиков, в Абиссинию надо ссылать, в Африку, ко эфиопам, да! Там бы вы живо от жары передохли!» [25, т. 8, 314].

К сожалению, за пределами нашего синопсиса остается такой значительный мотив, как «Африка и мистика», который объединяет В. Хлебникова, Д. С. Мережковского, Д. И. Хармса и ряд других писателей, живо и глубоко интересовавшихся Древним Египтом.

И все же на основании выше изложенного можно сделать определенные выводы. Тема Африки не случайно получила свое развитие в русской литературе первой трети XX века. Эта тема была удобна своей схематичностью, шаблонностью, когда необходимо было декларировать какие-то идеологические установки без доказательной базы. Сама эта шаблонность объясняется географической и культурной отдаленностью Африки от России, что лишь способствовало ее символизации и мифологизации. В таком случае Африка становилась местом, где могло происходить все что угодно, и с которым можно связывать различного рода девиации повседневной жизни России. При этом Африка могла быть зеркалом этих искажений, а могла — символом чего-то далекого, где в совокупности находят свое место романтические образы, тайные желания, мистические искания, революционные надежды и политические убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хождение за три моря Афанасия Никитина. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — 299 с.
2. Русская Африка / Автор-сост. Н. Н. Николаев. — М. : Вече, 2009. — 400 с.
3. Давидсон А.Б. Россия и Южная Африка. Три века связей / А.Б. Давидсон, И. И. Филатова. — М. : Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. — 330 с.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / А. С. Пушкин. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937—1959.
5. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1954—1957. — Т. 2. Стихотворения, 1832—1841. — 1954. — 386 с.
6. Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. / И. А. Гончаров. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1952—1955. Т. 2. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах. Т. 1. — 1952. — 579 с.
7. Оцуп Н. А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество / Н. А. Оцуп — СПб. : Издательство «Logos», 1995. — 200 с.
8. Станюкович К. М. Собрание сочинений в десяти томах / К. М. Станюкович. — М. : Правда, 1977. — Т. VII. — Рассказы и повести 1895—1897. — 438 с.
9. Левин И. Д. Современная Абиссиния. Социальные сдвиги и политические реформы / И. Д. Левин. — М.—Л., 1936. — 159 с.
10. Корнилов Б. П. Стихотворения и поэмы / Б. П. Корнилов. — М., Л. : Советский писатель, 1966. — 544 с.
11. Лоцилов И. Е. Заболоцкий и Африка / И. Е. Лоцилов // Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. — 2011. — Vol.17. — № 2. — Pretoria: University of South Africa: Unisa Press. — P. 170–174.
12. Бюел. Письма из Африки. Обработал Н. Заболоцкий. Рисунки Н. Лапшина. — М.—Л. : ГИЗ, 1928. — 79 с.
13. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. / А. П. Чехов. — М. : Наука, 1974—1982.
14. Бочаров С. Г. Чехов и философия / С. Г. Бочаров // Вестник истории, литературы, искусства. Отд-ние ист.-филол. наук РАН. — М. : Собрание; Наука, 2005. — С.146—159.
15. Тэффи Н. А. Юмористические рассказы; Из «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”». / Н. А. Тэффи. — М. : Художественная литература, 1990. — 415 с.
16. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. / Н. С. Гумилев. — Т. 6. — Художественная проза. — М. : Воскресенье, 2005. — 544 с.
17. Давидсон А. Б. Муза странствий Николая Гумилёва / А. Б. Давидсон. — М. : Наука, 1992. — 319 с.
18. Аверченко А. Т. Собрание сочинений: В 6 т. / А. Т. Аверченко. — М. : ТЕРРА — Книжный клуб, 2006—2007.
19. Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т.1: Уездное / Е. И. Замятин. — М. : Русская книга, 2003. — 608 с.
20. Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы / К. К. Вагинов. — М. : Современник, 1991. — 592 с.
21. Сологуб Ф. Собрание сочинений: В 6 т. / Ф. Сологуб. — Т. 2. — Мелкий бес. Роман. Рассказы. Сказочки. Статьи. — М. : НПК «Интелвак», 2001. — 624 с.
22. Иванов Г. В. Собрание сочинений. В 3-х т. / Г. В. Иванов. — Т. 3. : Мемуары. Литературная критика. — М. : Согласие, 1993. — 720 с.
23. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В. В. Маяковский / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961.
24. Арцыбашев М. П. Собр. соч.: В 3 т. / М. П. Арцыбашев. — Т. 3. : Женщина, стоящая посреди. Повести и рассказы. Записки писателя. — М., 1994. — 780 с.
25. Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах. / М. Горький. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1949—1955.

Липецкий институт кооперации

Кувшинов Ф. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарно-социальных дисциплин, докторант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
E-mail: f.kuv@yandex.ru

Lipetsk Institute of Cooperation

Kuvshinov F. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Humanities and Social Sciences Department, Doctoral Candidate of the State Pedagogical University named after A. I. Herzen
E-mail: f.kuv@yandex.ru